

ПРИНЦ С ПОСЛЕДНЕЙ ПАРТЫ

ЗАГОВОР ТРЕХ

Аня Плотникова пришла к ним в третьем классе.

Ни громких фанфар, ни оглушительных литавр, ни герольдов, оповещающих о ее явлении, не было. Даже гроза за окном не шарахнула.

А зря.

Небесные сферы могли бы подать хоть какой-нибудь знак. Не каждый день случаются события, переворачивающие жизнь тридцати человек. И к ним стоит быть готовым.

Предупреждений не было, поэтому класс спокойно гудел, обсуждая только что закончившиеся каникулы. Лето, мо-

ре, дачи, друзья, враги — все это было важнее стоящей на пороге пухлой девочки с большим красным портфелем в руках и с двумя бантами на куцых хвостиках.

По инерции народ еще сообщал друг другу самые важные сведения на земле, но кое-кто уже начал оборачиваться в сторону двери.

Аня секунду постояла, оценивая обстановку, а потом смело шагнула вперед. Девчонки тут же отметили розовые щеки, чуть вздернутый носик, русые волосы, полноватую фигуру. В общем — ничего особенного. Но по мере того как новенькая шла по классу, пробираясь по изломанному проходу мимо сдвинутых со своих мест парт, мнения о ней менялись. Уверенная, независимая, по сторонам смотрит спокойно, не заглядывает заискивающе в глаза. Села на место, достала тетради, медленно подняла голову.

— А чего на линейку не пришла? — Первая красавица класса Катька Куропаткина хотела спросить вызывающе, чтобы сразу поставить новенькую на место, но то ли от удивления, то ли еще от

чего, вопрос у нее получился с ноткой подобострастия.

— Зачем? И так все понятно, — дернула плечом новенькая и улыбнулась. — Речи, песни, первый звонок.

С этого момента и началось царствование Ани Плотниковой.

Вроде все у нее было, как у всех. Но у всех так, да по-другому — чуть больше или меньше, чуть неуверенней или скучнее. Ане достаточно было улыбнуться, и спорящий с ней человек забывал, что он хотел доказать. Ей стоило только встать и выпрямиться, как все уже уступали ей дорогу.

Над ее талантом владеть сердцами, умами и вниманием девчонки ломали голову все семь лет совместного с Аней обучения. Мальчишки от бессилия что-либо понять прятали ее портфель, дергали за хвостики, на физкультуре ставили подножки, толкали в столовой, проливая на нее свои компоты. Но Аня продолжала уверенно шагать по жизни, загадочно улыбаясь и не замечая такие мелочи, как испачканная юбка.

Было что-то в Плотниковой, невольное заставляющее смотреть на нее во все

глаза, слушать все, что она говорит, или просто находиться рядом.

С годами эти магические свойства только усиливались. Она, как настоящая звезда, захватывала в поле своего обаяния всех находящихся поблизости одноклассников, друзей, врагов, учителей.

Тогда, в третьем классе, народ сразу почувал недоброе, по мимолетным вибрациям ощутил, что мирная жизнь закончилась.

И первым был Леха Шукин.

— Ничего себе фифа! — присвистнул он, садясь вполоборота, чтобы видеть происходящее в конце класса.

— Круто! — коротко кивнул Сергей Махин, до этого момента пребывающий с Лехой в постоянных контрах: они никак не могли поделить первенство в классе, поэтому иногда еще выясняли отношения на кулаках. Появление Плотниковой их незаметно объединило.

Воодушевленный замечаниями приятелей Валька Шейко заулыбался и крикнул через ряд двум неразлучным Ленкам, Куркиной и Носовой:

— Видели новенькую?

Гул в классе на мгновение затих, и его ехидный вопрос услышали все.

— Дурак! — выразила общее мнение Куропаткина и постаралась как можно милее улыбнуться обустроивающейся за своей партией Ане.

Дальше события понеслись со скоростью учителя, ставящего в школьные дневники заслуженные двойки и колы. Девчонки и сами не заметили, как стали отращивать короткие хвостики, а у кого были длинные волосы, стремились в парикмахерские под острые ножницы мастеров — резать косы и подравнивать челки. На первой же физкультуре все невольно стали копировать Анину походку, чуть вразвалочку, ее манеру на бегу размахивать руками.

— Шоу двойников, — фыркнул Леха Щукин, когда мимо них в очередной раз пронеслась стайка девчонок — впереди бежала Аня, а за ней ровным рядом пять подражательниц.

— Плотникова, эй, не споткнись! — крикнул ей вслед Валька Шейко. Ему еще хотелось свистнуть, но оказавшаяся рядом учительница начальных классов так строго на него посмотрела, что он подавился втянутым внутрь воздухом и закашлялся.

Под ослепительные краски осени, под шелест опадающих листьев, под курлыканье улетающих на юг журавлей, невидимо для глаз в классе разыгралось несколько трагедий. До этого крепкая дружба между Ленками, Куркиной и Носовой, распалась. Плотникова одним движением брови заставляла идти за собой. И вот уже Ленка Носова осталась одна переживать предательство подруги, переметнувшейся к Ане.

Кто, откуда, почему?

Знали только, что из семьи военных. Знали только, что приехала из Питера, что живет с матерью и ее братом, веселым дядей Славой, заходившим за Аней в школу. Знали, что ходит в художественную школу и на гимнастику. Знали, все знали, но ничего не понимали.

Ах, много, много всяких событий случилось. Мели метели, заносили холодным снегом следы чужих слез и обид, весенние ручьи смывали остатки разговоров, теплый ветер разглаживал на девчачьих лбах недовольные морщинки. Класс жил своей жизнью — ссорился, ругался, срывал контрольные и радовал учителей своими успехами.

Постоянным оставалось одно — Аня. Ее умение одеваться, говорить, ходить и даже улыбаться. Своим уверенным спокойным видом она заставляла завистливо вздыхать девчонок и застывать в недоумении парней.

Так прошло несколько лет, и наши героини перешагнули порог шестого класса — полжизни позади, еще столько же впереди.

Неведомо откуда подул в затылок ветерок чего-то нового и неизвестного. Заволновались мальчишки, стали поглядывать на девчонок как-то странно. Но пока все непонятно и путано, а поэтому с удвоенной силой они дергают за косички, режут портфели и портят тетрадки клеем.

«Дураки! — вздыхают девчонки, безуспешно пытаясь отстирать дома вечером чернильную кляксу с любимой юбки. — Примитив! Гориллы!»

Хуже, гораздо хуже! Не найденные еще учеными ископаемые предки утконосов или опоссумов (не важно, кто это, главное, слова-то какие неприятные!) Потому что юбка испорчена безвозвратно, и ее теперь можно отправить на половые

тряпки. А завтра что же? Завтра то же самое. У-у-у, ав-стра-ло-пи-те-ки!

И вдруг объявление. Обычный белый листок, где крупными красными буквами написано:

«ШКОЛА ПРИНЦЕСС! СПЕШИТЕ!
НАЧАЛО ЗАНЯТИЙ 15 СЕНТЯБРЯ».

— Тоже мне принцессы, — скривился Шукин, изучив листок сначала сверху вниз, вплоть до двух летящих по нижней кромке бабочек, потом снизу вверх, до фиолетовых вензелей. — Они бы еще написали: «Тыкву и метлу приносить с собой».

— Ага, — кивнул его закадычный (теперь уже) друг Серега Махин. — Школа Гарри Поттера. Принимают слепых очкариков без родословной.

— Дураки! — согласился Валька Шейко и сдернул объявление со стенда, собираясь сделать из него самолетик и отправить в полет по холлу первого этажа.

— Так! — раздалось у них за спинами, и листок, вырвавшись из дрогнувших Валькиных пальцев, спланировал к новым туфелькам, надетым на ноги строгого завуча.

— Жираф, ну, ты как всегда! — кричал минутой позже Шукин, когда тройца бежала по лестнице в кабинет истории.

Шейко споткнулся, отстал, потерял ушибленную коленку и решил ничего не отвечать. Подумаешь, на завуча напоролся! Как будто в первый раз...

А в классе уже гудело обсуждение — клуб, кружок или неведомое внеклассное мероприятие. Кто пойдет и стоит ли идти вообще?..

Вот тут-то и выяснилась вся правда о Плотниковой — принцесса, как есть принцесса.

— Я обязательно пойду! — сообщила она.

Все еще мялись, боялись показаться маленькими или отсталыми (какие принцессы в наш век?), а она согласилась, не раздумывая.

Аня давно уже сидела в центре класса, на третьей парте в среднем ряду рядом с Леной Куркиной. Хвостики превратились в модную короткую стрижку, а вот обаяние осталось, как и румяные щеки и вздернутый носик.

Шукин, сидевший теперь тоже по центру, прямо за Плотниковой, медлен-

но поднял глаза. То ли ему показалось, то ли солнечный свет внезапно пробился сквозь пыльные окна класса и упал на Анину макушку, только Леха увидел странный блеск у нее над головой.

А что там может сверкать? Ни заколки, ни резиночки. Он даже чуть привстал, чтобы получше рассмотреть. Но солнечный луч погас, и ничего больше в Анькиных волосах не сверкало.

Корона там мелькнула, что ли? Вот они — загадочные сущности истинных принцесс!

Половину урока Шукин просидел, задумавшись, и вдруг с удивлением разглядел торчащий из-за ворота Аниной водолазки белый лоскуток. Какое-то время он рассматривал его, прикидывая, что бы это могло быть, и тут его осенило.

Он перегнулся через парту и дернул за болтающийся хвостик.

— Плотникова! — Восторгу его не было предела. — Ты чего? Наизнанку свитер надела?

Аня тревожно шевельнулась, потянула себя за рукав, пытаясь нащупать шов. Повернула к Шукину мгновенно зардевшуюся щеку.

— Совсем, что ли? — покрутила она пальцем у виска и с тревогой глянула на учительницу. — Можно выйти?

Когда дверь за Аней закрылась, у Лехи в голове созрел гениальный план. Оставшееся до звонка время он обмозговал его со всех сторон и на перемене выдал получившийся расклад.

— Давайте сделаем так, чтобы Плотникова... — Шукин удобней устроился на подоконнике и довольно щелкнул пальцами. — Ну, не знаю... — Он выдал еще пару щелчков и для верности хлопнул в ладоши. — Ну, чтобы она перестала задирать нос. Доведем ее до слез.

— К ней только сунься, она на нас всех девчонок натравит... — Шейко почесал ногу, укушенную поздне-осенним комаром. — Как начнет орать, эти куры нас затопчут.

— Не бойсь, — довольно жмурился Леха: сидеть под солнцем на подоконнике было жарко. — Мы придумаем что-нибудь такое... Короче, наша возьмет. Мы ее доведем до того, что она сама приползет к нам на коленях просить прощение.

И он смахнул с подоконника скомканный листок бумажки.

— Вот такой мы им футбол устроим! — Серега Махин провел бумажку вокруг себя и отфутболил Вальке. Тот мыском ботинка подбросил ее пару раз в воздух. Хотел сделать это третий раз, но оступился и чуть не грохнулся на идущую по коридору Ленку Носову.

— Ненормальный, — отпихнула его Ленка и с шипением потеряла оттопанную ногу. — Баран!

Серега уже открыл рот, чтобы ответить, но Шукин дернул его за рукав.

— Есть идея! — быстро зашептал он. — Как ты думаешь, что Плотниковой больше всего нравится?

Вопрос был странный. Даже более чем странный. Как можно знать то, что в принципе не доступно пониманию? Как можно влезть в голову этих инопланетян девчонок? А даже если и залезешь, что узнаешь? Дрессировщик, входящий в клетку к хищнику, и тот лучше представляет, что творится под косматыми бровями их подопечных. Дельфины более понятные существа, чем эти создания в юбках.

Приятели переглянулись, потом посмотрели по сторонам, словно на стенах должны были проявиться подсказ-

ки, каждый глазами отследил проходившую мимо девчонку, и их взгляды снова встретились.

— Выпендриваться, — вынес свой приговор Махин.

— Да дуры они все! — шумно вздохнул Шейко. Сделал он это так громко, что пробегавшие мимо девчонки захихикали. Валька выразительно повел бровью, мол, что я говорил.

Шукин махнул рукой и устался в окно.

Все это было не то. Леха посмотрел, как молодняк носится среди опавшей красоты, как взвихряются под ногами разноцветные сухие листья.

— Дуры, говоришь? — Шукин хлопнул ладонью по подоконнику. — Я знаю, что надо сделать, чтобы она перестала выпендриваться.

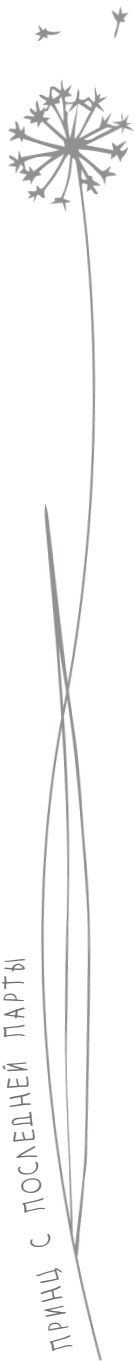
— В глаз дать, — кровожадно предложил Шейко.

— Выставить ее на посмешище, — смягчил приговор Махин.

— Нет! — Леха снова припечатал ладонь к подоконнику. — Пошли наверх.

— Зачем? — помчался за ним Серега. — А с Плотниковой чего?

— Все будет! — Шукин не спешил делиться своим открытием.

— Звонок скоро! — заволновался Шейко.

— Успеем.

Леха взбежал на пятый этаж и остановился на пороге актового зала.

Зал как зал, ничего особенного. Ряды типовых кресел с порезанными сиденьями, кое-где отсутствие кресла компенсировал не менее дряхлый стул, вид которого рождал воспоминания о войне 1812 года, когда разбитые Наполеоновские войска отступали по старой Смоленской дороге. После них в графских усадьбах оставались как раз такие стулья.

Пыльные серые портьеры прикрывали высокие окна. На узких подоконниках рядом с доисторическими надписями первых учеников школы ухитрялись уместиться фантики и рваные тетрадные листочки учеников нынешних. На стенах висели забытые с позапрошлогоднего праздника мишура, блески и украшенный разноцветным дождиком восклицательный знак. Под всем этим притулился стенд с информацией о противопожарной безопасности. Сквозь полумрак про-

глядывалась сцена с ритуальным красным занавесом и белый задник.

— Это подойдет!

Леха одним прыжком вскочил на сцену и исчез в облаках пыли, взметнувшихся из шторы.

— А чего делать-то будем? — Валька чихнул. Потом чихнул еще раз, еще, и, чтобы не упасть, схватился за портьеру. Крепежи наверху предупреждающе затрещали.

— Жираф! — Щукин ткнул пальцем в рыдающего от пыли Шейко. — Все они соберутся здесь, а ты будешь сидеть за занавеской. — Он обвел рукой пустой зал. — И все узнаешь.

Друзья непонимающе уставились на косые ряды кресел.

— И чего? — шмыгнул носом Валька, смахивая со щеки набежавшую от чихания слезу.

— Мы ее расколем! Они придут в эту школу Гарри Поттера, хотя бы раз, но придут. Анька тоже будет здесь, она у них станет главной принцессой. Стоит только узнать, чем они займутся, и, считай, что слабое место Плотниковой у нас в кармане.

ПРИНЦ С ПОСЛЕДНЕЙ ПАРТЫ

— И чего? — Шейко был не против замутив какую-нибудь каверзу против одноклассницы, но сидеть за пыльным занавесом ему не хотелось. Шестым чувством он понимал, что добром это не кончится.

— Ничего! — Леха прыгнул со сцены. — Надоела.

— Ага! — согласно кивнул Махин, и судьба Плотниковой с этого момента была решена.

ШКОЛА ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕБСТВА

Нельзя сказать, чтобы Шейко так уж сильно волновала Плотникова. Живет себе и живет, в школу ходит. Он даже не замечал, как девчонки невольно стали ей подражать. Подумаешь, волосы отрезали! Подумаешь, сменили брюки на узкие юбки.

Плотникова, как и все девчонки, его не интересовала. А вот очередная затея Щукина очень даже грела душу.

Но Леха молчал. Вернее, обещал все рассказать только после того, как Валька принесет ему верные сведения с первого занятия Школы Принцесс. Поэтому

15 сентября с трех часов Шейко засел в своем углу, устроившись под сценой около ледяной батареи. Чтобы не чихать, он заткнул нос ватой.

Само предприятие поначалу виделось ему безобидным развлечением. Ну, посидит он, ну, послушает. Девчонки часик поносятся по актовому залу, а потом быстренько разбредутся по домам. И только когда в дверях появилась первая «принцесса», в душе Шейко вновь появились нехорошие предчувствия.

Зал заполнялся медленно. Пришла Плотникова с Куркиной, девчонки из параллельного класса, парочка малышей. Последней появилась Ленка Носова. Она села в самом дальнем ряду и постаралась сделать вид, что ее здесь нет. По счету она оказалась одиннадцатой «принцессой» из их класса.

То есть пришли все! Уже интересно...

Когда казалось, что никаких занятий не будет — сколько можно ждать? — дверь рядом со сценой открылась.

Как уж там девчонки представляли себе будущую учительницу Школы Принцесс, Валька не знал. Ему же почему-то казалось, что вести занятия должна как

минимум фея — что-то легкое, воздушное, и если не с крылышками, то с волшебной палочкой точно.

Пол жалобно скрипнул, взволновалась застоявшаяся в занавесе пыль.

— Ну, здравствуйте, дорогие мои!

Забыв об осторожности, Шейко полез из своего укрытия.

Даму, стоявшую перед девчонками, нельзя было назвать ни феей, ни тем более наставницей принцесс. А уж на королеву-мать она не тянула ни при каком освещении.

— Зовут меня Наталья Захарьевна Соломкина. Вот, — перевела дух после столь длинной фразы дама. — Будем с вами заниматься.

И тут случилось страшное — стул, на котором так уютно сидел Валька и который так бы и простоял, если бы Шейко не пытался, вытягивая шею, изобразить из себя жирафа, чтобы лучше рассмотреть, что происходит в зале — так вот этот стул рухнул. Вслед за ним рухнула и ускакала в самый грязный закуток закулисья Валькина душа.

Наталья Захарьевна была полной женщиной, но на звук падающего стула